

ЛУЧШАЯ
КРИМИНАЛЬНАЯ
ДРАМА

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

УБОЙНОЕ ЛЕТО

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Убойное лето / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Колычев. Лучшая криминальная драма).

ISBN 978-5-04-163809-2

В результате ограбления инкассаторов в руках бандита по кличке Пентиум оказалась солидная сумма денег. Он решает убрать нынешнего главу теневого бизнеса и завладеть криминальными доходами в городе. Но бдительная братва узнает о намерениях Пентиума и развязывает против него настоящую войну. Участвует в ней и подполковник полиции Егор Прокофьев, мечтающий покончить с бандитским беспределом. Пентиум устраивает хитроумную засаду на своего противника, не предполагая, что в нее может попасть совсем не тот, на кого он охотится...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В.Г., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-163809-2

Часть первая

Глава 1

Лес, озеро, яркое солнце и с утра уже жаркое — от тумана над водой осталась только дымка, да и та вся в жалких клочках. Отличный намечается денек, отдыхающие уже присматривают места на пляже, но можно отправиться в лес: а там и пешие экскурсии, и конные прогулки. Егору Прокофьеву приходилось бывать на этой базе отдыха, и загорал он здесь, и гулял, но сегодня приехал по работе. Не все курортники пережили эту ночь, не всем сегодня радоваться солнечному дню.

База небольшая, домиков не так уж и много, десятка два, основная часть размещена вдоль аллеи, наискосок пересекающей территорию. По ней можно только пешком, Прокофьев это знал. Он припарковал машину на стоянке у озера, вышел, ос-

мотрелся. «Уазик» патрульно-постовой службы, микроавтобус следственно-оперативной группы, машины отдыхающих. Спецавтомобиль за трупом еще не приехал, значит, не слишком припозднился Прокофьев, хотя мог бы приехать и пораньше. Начальник отдела по раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений — птица важная, но не самого высокого полета. Не того он еще ранга начальство, чтобы задерживаться, а не опаздывать.

Дом, в котором обнаружили тело женщины, находился в самом конце аллеи, путь к нему отсекли сигнальной лентой, поставили патрульного с автоматом, впрочем, отдыхающие у ограждения не толпились, все правильно, ни к чему портить себе день негативными эмоциями.

Дом одноэтажный, на два номера, с общей открытой террасой, оплетенной диким виноградом. Плюс к тому между домом и аллеей живой изгородью тянулась линия кустарников с широкими проходами между ними.

Дверь в первом номере нараспашку, на веранде эксперт-криминалист с фотоаппаратом, следователь ему показывал, что именно фотографировать, и он щелкал. Чуть в стороне от дома Прокофьев заметил кинолога, который гладил, успокаивая, собаку. Взлохмачен Бонд, явно чем-то расстроен, вид растерянный, взгляд виноватый. И Саватеев явно

озадачен, увидев Прокофьева, он в нерешительности поднялся на ноги.

Женщину застрелили, по всей видимости, из пистолета, это не исключало бытового характера преступления, но все же на место выехала постоянно действующая следственно-оперативная группа, работающая по умышленным убийствам. Следователь Бутенков — специалист грамотный, опытный, на его счету не один десяток раскрытых дел, в том числе и особой важности, и эксперты под стать ему отличные профессионалы.

С деревянного настила террасы по каменным ступенькам Бутенков спустился на дорожку, выложенную тротуарной плиткой, кивнул в знак приветствия и протянул Прокофьеву руку. Внушительного вида мужчина, рослый, статный, сильный, на турнике двадцать раз подтягивается, три километра за двенадцать с половиной минут пробегает, стрелковая подготовка на высоте, но ему больше нравилось работать в кабинете, чем бегать с пистолетом за преступниками. Каждому свое, тем более что человек на своем месте.

— Егор Ильич!

— Дмитрий Романович!

— Покурим?

Бутенков не курил, но Прокофьев его понял. Надо немного подождать, пока Еремеев «заархивирует» террасу.

— Что-то интересное? — Прокофьев глянул на Саватеева, который, казалось, порывался что-то ему сказать.

— Да на первый взгляд все просто, муж застрелил жену, — сказал Бутенков.

— Вельяминов Вильямин Вильяминович, — кивнул Прокофьев.

Все началось с ограбления банка в позапрошлом году. Убийца и сутенер Сивый сговорился с инкассатором Сигайловым, организовал разбойное нападение, с ним был Аркадий Сарычев, его должник по коммерческим делам. Всего бандиты увели семь инкассаторских сумок, две нашли в ногах у мертвого Сивого. Две-три сумки могли уйти с криминальным авторитетом Пентиумом, которому удалось обнаружить покойника чуть раньше, чем полиции. Одну-две сумки мог увести Сигайлов. Пентиума так до сих пор и не нашли, бесследно исчез и Сигайлов, обнаружили только одного Сарычева. Денег при нем не оказалось, он клялся, что не брал, и вообще выдавал себя за жертву обстоятельств.

Аркадия Сарычева осудили на шесть лет, через два года статус его преступления понизили до средней тяжести, срок скостили на две трети. Он вышел на свободу, вернулся домой, а у жены новый мужчина. Вильямин Вельяминов оказался самой настоящей тряпкой, Сарычев издевался над ним

как хотел, а он все терпел. И даже выгораживал своего обидчика.

Сарычев обманул следствие, на самом деле он припрятал две сумки с деньгами, но его самого обокрали. В поисках утраченной добычи Сарычев вышел на некоего Василькова, он собирался отобрать у него все свои деньги, но его опередили. Василькова убил односельчанин, он же забрал одну сумку с деньгами. В убийстве подозревался сам Сарычев, но ему повезло, уголовный розыск установил настоящего преступника. Одну из двух сумок нашли, а другую предположительно увел Сарычев.

Сарычев точно не убивал, возвращать его в неволю не стали, он сейчас на свободе, но вроде как под наблюдением. Если деньги у него, рано или поздно они всплывут, Прокофьев на это надеялся.

Прошел всего месяц, как нашли одну из двух инкассаторских сумок, и вот убийство. Вельяминов обнаружил труп своей жены, позвонил в полицию, и Прокофьев уже на месте. А из головы не выходит Сарычев. И пропавшая инкассаторская сумка. Возможно, расследование убийства Вельяминовой наведет его на эти деньги.

— Клянется, что не убивал, — усмехнулся Бутенков. — Но, возможно, не помнит. Перегаром от Вельяминова за версту несет.

— Ты говоришь, на первый взгляд все просто, а в чем не просто? — Прокофьев глянул на собаку, которая все никак не могла прийти в чувство.

— Да вот отмычку нашли, как раз на такой вот цилиндровый замок. — Следователь кивком указал на закрытую дверь, возле которой стоял криминалист, и, вынув из кармана, показал саму отмычку, запакованную в целлофановый пакет. Плоская ручка, обмотанная изолентой, жало с крючком. А изолента тряпичная, как раз такая, на какой не остаются отпечатков пальцев.

— И где нашел? — спросил Прокофьев.

— На террасе. У входа в номер Вельяминова. — И снова Бутенков показал на закрытую дверь.

— Так, подожди, а у него что, свой номер был?

— Так в том-то и дело. Он даже не знал, что его жена поселилась в соседнем номере. И она очень удивилась, когда увидела его.

— Хм.

— Кто-то взломал дверь в его номер. На замке заметны следы взлома, детальное обследование не проводили, но выводы делать можно.

— Значит, кто-то взломал дверь в номер Вельяминова?

— И упал, выронив отмычку.

— Упал?

— Или его сбили с ног. Скорее всего, удар был, след от подошвы остался, от резкого сцепления

с полом. Погода сухая, обувь чистая, четких отпечатков не видно, а этот след отпечатался. На кроссовку похоже. Может, просто дверь неожиданно открылась. Вернее, открыли... В общем, взломщик ушел в лес. — Бутенков повел рукой в сторону кинолога и дальше. — Там в заборе пролом, на этом месте след и обрывается. Не знаем пока, чем там набрызгали, но Бонд носом по земле скреб, так больно было.

— Кайенская смесь? — громко спросил Прокофьев, чтобы кинолог услышал его.

— Да нет, на красный перец Бонд натаскан! — мотнул головой тот. — Химия там какая-то!

— Химия... — кивнул Бутенков. — Пистолет предположительно «макаров», профессиональная отмычка, химия. Такой вот джентльменский набор.

— Это не про Вельяминова, — сказал Прокофьев и задумался.

Вельяминов действительно производил впечатление мягкотелого слюнтяя, но в то же время он успешный предприниматель, производство автокомплектующих — дело сложное и серьезное. Он вполне мог убить свою жену, а затем направить следствие по ложному пути. Если есть отмычка и были применены химические вещества, значит, существует и преступник, который подставил невинную овечку.

— Ну что, пройдем? — Бутенков кивком указал на распахнутую дверь.

Люкс начинался с холла с выходом на ванную и гостиную, смежную со спальней. На полу в комнате лежала женщина, не молодая, но еще и не старая. В глаза бросалось бурое пятно на банном халате. Пуля попала точно в сердце, смерть, по всей видимости, была мгновенной. Волосы у покойницы сухие, но не расчесанные, возможно, в момент смерти она только собиралась заняться ими. Вышла из ванной в халате на голое тело, кто-то вторгся в номер, возможно, с пистолетом в руке. Испуганная Вельяминова услышала, попятилась в гостиную, там в нее и выстрелили. Во всяком случае, так предполагал следователь, и Прокофьев готов был с ним согласиться.

— А где пистолет? — спросил он.

— На месте убийства обнаружена только гильза. Вельяминов клянется, что пистолета у него не было.

— Одна гильза.

— И был один выстрел, — кивнул Бутенков.

— Киллеры стараются следить за контролем качества.

— Не было контрольного выстрела.

— Где сейчас Вельяминов?

— Да в номере у себя, Бордов с ним.

— Очень хорошо.

Майор Бордов уже работал с Вельяминовым, выводил его на чистую воду. И был о нем не очень высокого мнения. Или даже очень невысокого.

Терраса не делилась на части, она служила холлом для двух номеров, из одного люкса в другой можно было пройти, не выходя на крыльцо. Террасу обследовали, подозрительный след от обуви зафиксировали, но все равно Бутенков просил передвигаться осторожно и аккуратно.

Вельяминов сидел на стуле посреди комнаты, вид у него был загнанного в угол человека. Жалкий, глазки бегают, руки трясутся, сытые щеки красные и мокрые от пота. Зато Бордов спокойный как удав, взгляд у него сильный, обволакивающий. И внешне он чем-то был похож на удава, лоб крепкий, широкий, глаза маленькие, широко расставленные. Высокий, худощавый, мускулистый и сильный, как удав. От страха перед ним Вельяминов, кажется, протрезвел. Хотя перегаром от него несло жутко. На столе ополовиненная бутылка виски, объедки пиццы на деревянной доске, в комнате бардак, вещи разбросаны.

Увидев Прокофьева, Вельяминов стал подниматься со стула, в глазах мольба — избавить его от монстра.

— Ничего не видел, как убивал, не помнит, — пожав Прокофьеву руку, с усмешкой сказал Бор-

дов, положил руку на плечо Вельяминову и заставил его сесть.

— Да не убивал я! — мотнул головой мужчина.

— Ну да, и как Сарычев через забор сбежал, тоже не видел, — вспомнил былое Бордов.

— Я же говорил, что видел!

— Ага, со второй попытки.

— Где пистолет? — в лоб спросил Прокофьев.

— Да не знаю я, где пистолет! — чуть не плача простонал Вельяминов. — Не было у меня оружия! Не стрелял!

— И даже не слышал! — хмыкнул Бордов.

— Я ведь спать сразу лег. Выпил и сразу отрубился, — сказал Вельяминов.

— Сразу после чего? — спросил Прокофьев.

— Сразу после того, как от Люды пришел!

— Когда это было?

— Когда... Не знаю, когда... В районе десяти вечера. Темно уже было... Стою на террасе, смотрю, Люда в номер заходит, у меня глаза на лоб... Я даже не знал, что она здесь!..

— То есть вы приехали сюда без Люды? — спросил Прокофьев.

— Я приехал сюда, потому что очень устал! — Одной рукой Вельяминов хлопнул себя по затылку, а другой прикрыл глаза: уж очень он хотел спрятаться от всех.

— От кого устал?

— От всех!

— Любовь у него! Ларису Сарычеву любит! — усмехнулся Бордов.

— И она меня любит! — чуть ли не с ненавистью глянул на него Вельяминов.

— А спит с мужем.

— Аркадий Сарычев — грязное, похотливое животное! — захныкал Вельяминов.

— Вы от Сарычева сюда сбежали? — обращаясь к нему, спросил Прокофьев.

— От себя... От себя сбежал! — ударив себя в грудь, с пафосом сказал мужчина.

— Кто-то уходит в забой, кто-то в запой, — прокомментировал Бордов.

Прокофьев едва глянул на него.

— А жена ваша когда приехала? — спросил он.

— Не знаю, но увидел я ее вчера вечером! — ответил Вельяминов. — Думал, померещилось, пошел за ней, точно, она!

— Сразу пошли за ней?

— Сразу. Она в душ собиралась, волосы расчесывала. Она всегда так перед душем делает. Делала...

— То есть ваша жена не знала, что вы здесь?

— В том-то и дело!

— Тогда почему она приехала?

— Не знаю. Да и не жена она мне... То есть по факту как бы жена, но мы уже оформляем развод. Оформляли.

— Что вашей супруге причиталось по разводу?

— Что ей причиталось по разводу?! — захлопал глазами Вельяминов. — Вы думаете, что я мог убить свою жену из-за денег?!

Прокофьев промолчал, пристально и тяжело глядя на собеседника. Ну, конечно же, он мог так думать!

— Но это же глупо! На меня же первого и подумают!

— На вас первого и подумали, — фыркнул Бордов.

— Но это не я!

— А кто? — резко спросил Прокофьев.

— Я не знаю! Меня подставили!

— Кому это нужно?

— Кому? Да хотя бы Сарычеву!

— Он вам угрожал?

— Он постоянно мне угрожает! Голову открывать обещал!

— Он вас бил?

— А это что-то меняет?! — возмущенно удивился Вельяминов.

— Еще раз спрашиваю, он вас бил? — настаивал Прокофьев.

Сарычев не выходил у него из головы, для серьезного разговора с ним нужен был хороший повод, а истязание — это уже основание для уголовного преследования.

— Нет, он меня не бил, но эти его постоянные оскорбления... Да, еще он обещал переспать с Людой! — вспомнил Вельяминов.

— Переспал? — спросил Бордов.

— Не знаю!

— А может, знаете? Может, Людмила вам в этом призналась? — напирал Бордов.

— Не говорила она ничего! — мотнул головой Вельяминов.

— Вчера вы увидели свою жену, пошли за ней, вспыхнула ссора, — предположил Прокофьев.

— Ну да, я спросил, что она здесь делает, она послала меня к черту! Да, мы разговаривали на повышенных тонах! Но я ее не убивал. Люда была жива, когда я уходил!..

— Вы ушли, выпили, легли спать и сразу заснули.

— Спать очень хотелось, выпил много.

— Крепко заснули?

— Спал как убитый.

— Но проснулись рано утром.

— Да.

— В состоянии сильного похмелья.

— Очень сильного, — кивнул Вельяминов.

— Но тем не менее поднялись и отправились к жене.

— Да, поднялся... Злость меня подняла!

— Злость?

— А вдруг Люда с любовником, подумал!

— А вам не все равно, если вы оформляете развод?

— Мне все равно, кто... Только бы не Сарычев!.. Он же любит издеваться надо мной... Закроется, бывает, с Ларисой, и... — вздохнул Вельяминов, чуть не плача, и обреченно махнул рукой, обрывая себя.

Прокофьев мрачно усмехнулся, глянув на него и с укором, и сожалением одновременно. Сарычев с Вельяминовым не церемонился, но тем не менее обвинить его не в чем. Лариса не успела развестись с мужем, и дом в их собственности. Вот если бы Сарычев насиловал свою жену, но где тогда заявление потерпевшей?..

— Вы говорите, Сарычев обещал переспать с вашей Людой, — напомнил Прокофьев.

— Обещал! Назло мне! Может, он нарочно ее сюда привез! Чтобы я слышал, как они... там, за стенкой...

— Вы с женой жили отдельно?

— Мы жили в разводе, — подавленно сказал Вельяминов. — Одно время я жил с Ларисой, потом появился Сарычев, в конце концов мне пришлось переехать. На старую квартиру. А Людмила жила в новой.

— Адрес!

Прокофьев узнал адрес, вернулся к Бутенкову и поделился с ним своими соображениями. Сарычев действительно мог подставить Вельяминова — застрелить его жену, затем вломиться к нему в номер, чтобы подбросить орудие убийства. Но, видимо, что-то пошло не так. Или Вельяминов случайно ударил его дверью, или кто-то другой подставил ему подножку, но план не сработал. Во всяком случае, пистолет в номере Вельяминова обнаружить не удалось. Орудие убийства исчезло, возможно, его никогда уже не удастся найти.

— И еще вопрос, почему Вельяминова посетила в одном гостевом доме со своим мужем? — спросил Прокофьев. — Если верить Вельяминову, она и сама не ожидала его здесь встретить.

— Но это если ему верить... — пожал плечами Бутенков. — А может, просто изобразила удивление. Может, помириться с ним приезжала?

— Может быть, и так, а может, ее нарочно сюда направили. Возможно, Сарычев... Надо бы осмотреть городскую квартиру потерпевшей, опросить соседей. Подруг, родственников. И Сарычевым нужно заняться.

— Насколько я помню, он у вас под наблюдением.

— Постольку-поскольку, — усмехнулся Прокофьев.

Хотелось бы наблюдать за Сарычевым круглосуточно, но идеальные и реальные варианты развития событий — понятия малосовместимые. Если Сарычев увел сумку с деньгами, то, скорее всего, он ее надежно спрятал, и следить за ним сейчас нет никакого смысла. Не пойдет он к своему тайнику в ближайшее время, не достанет из него деньги, а будет ждать, когда интерес к нему сойдет на нет. Он и год может ждать, и два, и десять лет. А может, он уже начал тратить деньги, но совсем по чуть-чуть, так, чтобы не привлекать к себе внимания. И Прокофьев ничего с ним поделывать не может, потому как нет у него лишних людей следить за Сарычевым, да и с техникой, как обычно, напряженка. В общем, наблюдают за Сарычевым, но постольку-поскольку.

Глава 2

Лето, жара, дверь в подъезд распахнута настежь, консьержка прохлаждается непонятно где, каморка ее пустует. Прокофьев прошел в дом, не представляясь, не показывая удостоверения. И девушка, ожидавшая лифт, не знала, что присоединиться к ней собирается не абы кто, а представитель закона. Не знала и приняла Прокофьева за маньяка. Стоит, смотрит на него испуганно, голову в плечи вжала. Совсем еще юная, худенькая и жалкая, как

воробушек, небольшой рюкзачок за спиной казался слишком тяжелым для нее. И без того бледная, она стала белой как мел.

Прокофьев понял, что лучше уйти. Подниматься по лестнице на двенадцатый этаж высоковато, но можно просто отойти в сторонку. Девушка уедет, и тогда он вызовет лифт.

Но девушку вдруг затрясло, она стала падать, из горла хлынула пена. Прокофьев не растерялся, подхватил бедняжку и уложил на пол. Девушку затрясло еще сильнее, и если бы Прокофьев не поставил руку, она бы ударилась о пол головой.

Это был самый настоящий приступ эпилепсии, и Прокофьев знал, что нужно делать. Первым делом подложить что-нибудь под голову. Он мог снять с себя пиджак, но лучше подложить рюкзак, его все равно придется стаскивать с девушки, потому что он мешал ей лежать. С рюкзака Прокофьев и начал. И уже снял его, когда послышался истошный вопль:

— Люди добрые! Грабят!

Толстая женщина со слоновыми ногами не стала разбираться, что происходит, и с воем вскочила на улицу.

— Помогите, грабят! — донесся из-за двери ее крик.

Прокофьев лишь цокнул языком, не реагируя на паникершу. Он подсунул рюкзак девушке под

голову, положил ее на бок, чтобы она не захлебнулась пеной, вынул из кармана чистый носовой платок и, свернув в жгут, просунул его между зубов незнакомки. Раньше он думал, что в подобных случаях больному нужно всовывать ложку или что-то такое же твердое в рот, но знакомый врач ему объяснил, что это делать вовсе не обязательно. Если врач не ошибался.

И в «Скорую» он позвонил. Коротко объяснил ситуацию, назвал адрес и, конечно же, представился, чтобы придать ускорение процессу прибытия «Скорой помощи».

Он уже заканчивал разговор, когда приступ прекратился. Девушка еще не пришла в чувство, но уже прекратила биться в конвульсиях, а в подъезд с ревом влетела женщина. Маленькая, худенькая, но в первый момент Прокофьеву показалось, что на него несется гиппопотам.

К счастью, защищаться не пришлось: женщина еще на подлете разобралась что к чему и резко остановилась. И плечом, оттолкнув Прокофьева, склонилась над девушкой.

— Дашка! Дашка!

— «Скорая» сейчас подъедет, — сказал Прокофьев.

— Кто вы? — Женщина глянула на него агрессивно, но без злобы.

— Подполковник полиции. — Прокофьев произнес это нарочно громко, чтобы услышала женщина со слоновьими ногами, которая стояла в дверях.

— Да? А то мне сказали...

— Да я откуда знала! Смотрю, хватает! Рюкзак срывает!.. А что это с дочкой?

— Ничего! — отрезала женщина, по всей видимости, мать девушки.

В это время остановился грузовой лифт, открылись двери, вышел мужчина, освободив кабину. Прокофьев поднял Дашу на руки, занес в лифт, женщина взяла рюкзак.

— Обычный обморок, ничего особенного! — обращаясь к толстухе, сказала она.

— Да-да, просто обморок, — подтвердил Прокофьев и повернулся к матери девушки. — Какой этаж?

— Двенадцатый. — Женщина стукнула пальцем по кнопке лифта. — Спасибо вам. И за обморок тоже... Сами знаете, какой у нас народ. Как начнут болтать!

— Может, я зря Дашу потревожил?

— Вы все правильно сделали, приступ уже прошел. У нее быстро проходит.

Лифт остановился, Даша зашевелилась, мать тронула Прокофьева, чтобы он опустил ее дочь на

пол. И когда девушка встала на ноги, отдала следователю платок. И вдруг спохватилась.

— Или сначала постирать?

— Ничего, я сам. — Он спокойно положил в карман мокрый платок.

— Вы точно из полиции?

— Подполковник Прокофьев, — кивнул он. — Егор Ильич.

— Листьева Татьяна Максимовна. Если это вам интересно.

— Очень интересно. — Егор смотрел на бронированную дверь под номером тридцать четыре, в то время как Листьева открывала дверь в соседнюю квартиру. — Я так понимаю, Вельяминова Людмила Владиславовна ваша соседка?

— Так вы к ней? — немного разочарованно и насмешливо спросила женщина.

От волнения она даже забыла о дочери, которая не совсем еще оправилась от недавнего приступа. Впрочем, Даша вошла в квартиру без ее помощи. Взгляд у девушки вполне осознанный, но сонный, ей очень хотелось спать.

— А что, ее муж против? — улыбнулся Прокофьев.

— Муж... Муж к другой ушел.

— Людмила, наверное, очень переживала.

— Переживала, — усмехнулась Листьева. — Помогали ей переживать.

— Кто?

— Да такие, как вы!

— Кто, например?

Прокофьев не торопился, вот-вот должен был подъехать майор Ярыгин, без него осмотр квартиры начинать не стоит. Хоть какой-то свидетель нужен, а то пропадет что-то ценное, придется отписываться. И понятых неплохо бы пригласить, а то вдруг найдется что-нибудь интересное, доказывая потом, что не подбросили.

— Ну-у... А почему вы спрашиваете?

— А если это служебный интерес?

— Служебный? Что-то случилось?

— Мама! — донесся из глубины квартиры голос.

— Я сейчас! — сказала Листьева и, немного подумав, спросила: — Может быть, чаю?

Прокофьев кивнул, она провела его на кухню, поставила чайник и занялась дочерью. Уложила в кровать, дала лекарство и отменила вызов «Скорой помощи».

— Заснула, пусть спит. Беда с этими детьми, — наливая чай, вздохнула она.

— Насколько я знаю, у Вельяминовых детей не было.

— Может, потому он и ушел. К женщине с двумя детьми.

— А что муж этой женщины?

— А у нее был муж?

— Почему был? Есть.

Прокофьев вывел на экран смартфона фотографию Сарычева и показал женщине.

— Не видели никогда?

— Что-то знакомое... — Листьева близоруко сощурилась, глядя на снимок.

— Видели?

— Да, видела. — Женщина повела головой в сторону соседней квартиры. — Но не скажу!

— Почему?

— А зачем я буду портить отношения с Людмилой?

— Никто не сможет испортить ваши с ней отношения, даже я. Людмила погибла.

— Как погибла? — Листьева удержала в руках сахарницу, но у нее сдали ноги, и она опустилась на стул.

— Ведется розыск преступника.

— Вы серьезно?

— Татьяна Максимовна, вы видели этого человека? — Прокофьев еще раз показал фотографию Сарычева.

— Не скажу точно, но очень похож.

— Когда вы его видели?

— На прошлой неделе. Слышу, дверь открылась, я в глазок смотреть не стала, к домофону, который на лестничную площадку выходит, подошла.

А этот к лифту вышел и оглянулся, прямо в глазок домофона посмотрел. Спокойно посмотрел, я думала, он мне сейчас подмигнет. Но не подмигнул.

— Не подмигнул. Но посмотрел.

— Посмотрел. Как будто знать хотел... — Листьева пожала плечами, раздумывая, продолжать свою мысль или промолчать.

— Что хотел знать?

— Что видеокамера есть.

— А видеокамера у вас на запись работает?

— Да. Но только если нам звонят! Но он же не звонил! Другой звонил! — вспомнила женщина. — Квартирой ошибся. У Людмилы тридцать четвертая, у нас тридцать пятая.

— Мужчина звонил?

— Мужчина. Людмила ему сама открыла.

— А запись сохранилась?

— Я не знаю, это давно было.

— Когда давно?

— Еще в мае... Или даже в апреле. А что тут такого? Людмила — женщина интересная, мужчинам нравится, ей что, в монастырь уходить, если муж бросил?

— И много было таких мужчин?

— Мне кажется, вопрос не совсем корректный, — качнула головой Листьева. — Я не слежу за Людмилой, я не считаю ее мужчин. Но мужчины были, двоих я точно видела.

У Прокофьева зазвонил телефон, это подъехал Савелий Ярыгин.

Вельяминова жила в четырехкомнатной квартире, роскошный ремонт и обстановка, два санузла, и везде порядок, близкий к идеальному.

— И что мы здесь ищем? — осматривая спальню, спросил Ярыгин.

Мощный он парень, на вид задиристый и разбитной, но на поверку сама сдержанность и продуманность. Правда, мог и сорваться, особенно если имел дело с явными представителями криминального мира. Бандиты Карамболя Савелия побаивались, обходили стороной. А темных дел хватало. Карамболь старался не светиться, подпольным бизнесом напрямую не занимался, но наркота по городу гуляла не без его участия, а проституция, нелегальный игорный бизнес — там дилеры, сутенеры, у многих из них стволы и отбитые мозги. К тому же у Карамболя личная охрана, а в ней цепные псы, в основном двуногие, что им скажут, то и сделают.

— Ну, труп здесь мы точно не найдем, — пожал плечами Прокофьев.

В квартире Вельяминовой также был установлен домофон с камерой, выходящей на лестничную площадку. И срабатывать на запись видеокамера должна была при малейшем движении в зоне ее действия. Но, как оказалось, не срабатывала. Изо-

бражение на монитор поступало исправно, однако записывающий блок отказывался его фиксировать. Возможно, домофон повредили умышленно.

Прокофьев не поленился, спустился вниз. Консьержка так и не появилась, а видеокамера над подъездом его разочаровала. Хорошая видеокамера, но установлена высоко, и объектив почему-то направлен был не на пяточок перед входом, а на стоянку с машинами на ней. Возможно, кто-то из жителей дома таким образом обезопасил свой автомобиль. Чтобы обмануть камеру, достаточно было зайти в подъезд по отмошке вокруг дома, и делали так многие, не только преступники. Кто-то просто сокращал таким образом путь к своему подъезду.

Прокофьев вернулся в квартиру Вельяминовой, и Ярыгин его огорошил.

— Егор Ильич! — бодро улыбнулся он, разжимая ладонь.

В ней уже в пленке лежал самодельный «жучок» — микрофон, транзистор, катушка, резисторы и конденсатор на крошечной плате в комплекте с мизинчиковой батарейкой.

— Под кроватью нашел! Еле снял, хорошо было закреплено.

— Не надо было снимать, — покачал головой Прокофьев.

— Да я осторожно, если пальчики были, там и остались, — не очень уверенно проговорил Яры-

гин. — Да и к батарейке я не прикасался. В целлофан вот все как положено запаковал.

— Странно все это, очень странно. Отмычка, химия от собак, теперь вот «жучок». И камера на запись не работает.

— Неужели все-таки подстава?

— И Сарычева здесь видели. Был он в гостях у Вельяминовой. И на камеру домофона смотрел с умыслом.

— И мотив у него был. Подставить Вельяминова.

— В том-то и дело. Значит так, эксперта сюда, пусть пальчики снимут. А потом еще раз квартиру обыскать. Ну и с микросхемы пальчики, само собой, снять... А я пока к Сарычеву съезжу, — решил Прокофьев.

— Ну так и я поеду. Вдруг у него ствол!

Прокофьев кивнул. Очень многое указывало на Сарычева, и оружие убийства могло находиться у него, как бы он отстреливаться не стал. Надо бы взять с собой Ярыгина, а радиомикрофон доставить в отдел по пути к Сарычеву, снять с него отпечатки пальцев, если это возможно, идентифицировать пальчики, а затем отправить эксперта и кого-нибудь из оперов на квартиру к Вельяминовой.

Так Прокофьев и поступил. Но «пальчики» с «жучка» снять не удалось — за их отсутствием.

А жаль, хотелось бы предъявить Сарычеву заключение экспертизы, но нет, пришлось ехать с пустыми руками и предположениями.

Сарычев жил на окраине города, в новом квартале, где количество недостроенных домов превышало число уже готовых. И справа от Сарычева незаконченная новостройка, и слева, это позволяло ему тайком покидать свой дом и уходить от наблюдения. Одна сторона его улицы выходила в чистое поле, за ней лес. В начале улицы находилась площадка для мусорных контейнеров, два года назад Сарычев избавился там от одежды, в которой грабил банк, а Прокофьев ее нашел. И этим прижал его к стенке. Но сейчас, увы, Егор Ильич не располагал уликами против него. И в мусорные баки заглядывать бесполезно. Сарычев не идиот, чтобы повторить грубую ошибку. Тем не менее в мусорные баки Прокофьев заглянул, но ничего похожего на пакет с одеждой не нашел.

Осмотр мусорных баков не занял много времени, но все же Прокофьев чуть не опоздал. Сарычев собирался уезжать, когда они с Ярыгиным прибыли к его месту жительства, перехватили Аркадия в воротах дома. В позапрошлом году дело было иначе. Сарычев не уезжал, а, напротив, возвращался домой, Прокофьев и Ярыгин зашли во двор и приперли его к стенке. Тогда Сарычев упрямиться не стал, признал свою вину и без возражений позво-

лил надеть на себя наручники. Но тогда против него имелись весьма серьезные улики.

Прокофьев перегородил выезд, и раздраженный Сарычев вышел из своего внедорожника.

— Ну что вам еще? — скривился он, глядя на Прокофьева.

Брутальной он внешности мужик, довольно-таки высокий, плотный, массивные надбровья, тяжелый взгляд маленьких глаз, крепкий, с горбинкой нос, чугунный подбородок. Черты лица грубые, но внешность неотталкивающая. Солнцезащитные очки очень ему шли. Белая сорочка, заправленная в зауженные брюки, лакированные туфли блестят на солнце. Лицо свежее, загорелое, ни ссадин, ни порезов.

— Как поживаем, Аркадий Васильевич?

— Да вашими молитвами хреново. Отмечаться вот еду.

Сарычев заставил себя подобреть, даже снял очки, чтобы Прокофьев мог видеть его глаза. Условно-досрочное освобождение у него, нельзя ему дерзить представителям закона, а то можно и обратно по этапу отправиться.

— А вчера не отметились? — спросил Прокофьев.

— О чем это ты, начальник?

— На базе отдыха «Вереск».

— Вчера?

— А когда?

— Ну бывал я там. В прошлой жизни...

— С кем бывал?

— С женой.

— С чьей женой?

— Не понял!

— Вы же не станете отрицать, что знакомы с женой Вельяминова.

— С Людмилой?

Жена Сарычева незаметно подошла к машине.

— Что-то случилось? — спросила она, и с тревогой, и с надеждой глядя на Прокофьева.

И не хотела она терять Сарычева, но в то же время совсем не прочь была избавиться от него и вернуться к спокойной комфортной жизни с Вельяминовым. Красивая она женщина, с изюминкой, не зря Вельяминов потерял от нее голову.

— Да вот господа полицейские в нашу постель с ногами залезли, — ухмыльнулся Сарычев.

— Что ты такое говоришь? — Лариса с укором глянула на него.

— А то и говорю, что постель у нас большая: ты, я, Вильям... Его жена.

Ярыгин фыркнул, с презрением глядя на Сарычева, не мужик он, если грязное белье на глазах у жены выкладывает.

— С ума сошел? — Лариса чуть ли не умоляюще посмотрел на Прокофьева, призывая его не верить сумасшедшему мужу.

Но Егор и так не верил. В сумасшествие Сарычева. Возможно, гнилая суть нарочно выставлялась напоказ. За одно только скотское отношение к жене ведь не сажают. А ни в чем другом Сарычев не виноват. У него же все на виду, что было, то и говорит. А если не сказал, то ничего и не было. Именно так и следовало его понимать.

— Мы с Людкой, правда, по отдельности, — с ухмылкой сказал тот.

— Что по отдельности?

— Трахнул я ее по отдельности!

— Что?! — изменилась в лице Сарычева.

— Ну тебе же можно, почему мне нельзя?

— Лариса Ивановна, вы бы шли в дом, зачем вам слушать эти гадости... — сказал Прокофьев.

— Гадости, — глядя на мужа, согласилась женщина.

— Соберите на всякий случай вещи в дорогу, — усмехнулся Ярыгин.

— В какую дорогу? — встрепелась Лариса.

— В дальнюю. Дальняя дорога, казенный дом.

— Это что, из-за Людки?! — У Сарычева вытянулось лицо.

— Лариса Ивановна, идите. — Прокофьев показал в сторону дома. — Смену белья приготовьте, спортивный костюм, зубную щетку, почтовые конверты.

— Ну, хорошо, — со слезами на глазах кивнула женщина и скрылась за машиной.

— Это у вас шутки такие? — спросил Сарычев.

— Где вы находились сегодня ночью?

— А вы что, за мной не следите?

— Вы не ответили на вопрос.

— Значит, не следите, — усмехнулся Сарычев. — Дома я ночью был, жена подтвердит. Я ей всю ночь спать не давал. И дети слышали...

— Что слышали?

— Сложный период у меня, начальник. Нажраться могу. Вчера вот не сдержался... У меня, согласно приговору суда, трезвый образ не прописан! И гулять можно всю ночь.

— Выпивали где?

— Да где... Сидел в машине и пил. Тоска вдруг накатила.

— Когда приехали домой?

— В районе одиннадцати... В начале двенадцатого... У меня видео, можно глянуть. — Сарычев кивком указал на панорамную камеру, установленную на фонарном столбе. — За свой счет, между прочим, ставил!

— А деньги откуда?

— Вельяминов одолжил. Не веришь, спроси.

— И часто он вам одалживает?

— Часто. Как потребуется, так и одалживает.

— Ему это не нравится.

— От радости он, честно сказать, не пищит, — усмехнулся Сарычев.

— Не пищит, но деньги дает. Для этого ты его и подставил, — перешел на «ты» Прокофьев.

— И как это я его подставил?

— Убил его жену, а ему подбросил орудие убийства.

— То деньги у меня ищите, то орудие... Какое такое орудие? — всколыхнулся Сарычев.

Прокофьев смотрел ему в глаза так, будто пытался прочесть в них, притворяется Сарычев, что ничего не понимает, или нет. Но глаза выдавали только тревогу и удивление и ничего больше.

— Орудие убийства.

— Что-то я не догоняю, я уже убил жену Вильяма или только собирался?

— Вы убили его жену? — спросил Ярыгин.

— Так, постойте! Давайте вы не будете путать меня! — Сарычев выставил перед собой руки, будто собирался хлопнуть в ладоши. — Что с Людмилой?

— А ты не знаешь?

— Или вы сейчас мне обо всем расскажете, или я отказываюсь от разговора.

— Убили Людмилу.

— Так! — Сарычев сделал над собой усилие, призывая на помощь всю свою выдержку и самообладание.

Но в его положении такое поведение казалось вполне естественным. Его фактически уже обвинили в убийстве, он просто был обязан собраться с мыслями и дать правильный ответ. А по поводу чьей-то гибели он не сокрушался. Такой уж он человек, личное благополучие для него гораздо важнее чьей-то жизни.

— Людмилу Вельяминову убили?

— Вельяминову.

— Когда?

— Вчера. В районе девяти-десяти вечера.

— А при чем здесь база отдыха «Вереск»? — тщательно взвешивая каждое слово, спросил Сарычев.

— Там Вельяминову и убили. База недалеко от города, до вашего дома минут сорок езды. — Прокофьев снова вернулся к официальному тону. — Как раз в начале двенадцатого вы и приехали. — Он выразительно глянул на камеру, которая сейчас наблюдала за ними.

— Значит, я убил?

— Вы знали Людмилу Вельяминову?

— Более того, я спал с ней, — кивнул Сарычев.

— Когда вы виделись с ней в последний раз?

— Сегодня у нас что, пятница?..

— Двадцать шестое июня, — кивнул Ярыгин.

— В последний раз я был с нею в понедельник.

Все, больше я ее не видел.

— И вчера на базе отдыха «Вереск» вас не было?

— Кто-то меня там видел? — резко спросил Сарычев.

— Вы знаете, кто здесь задает вопросы.

— Не видели меня там! И не могли видеть!.. Я там не был!..

— Вам знаком этот предмет? — Прокофьев вынул из кармана смартфон и вывел на экран снимок «жучка», обнаруженного в квартире Вельяминовой.

— «Пальчики» сняли? — усмехнулся Сарычев.

— Допустим.

— Не было там «пальчиков», я тщательно все протер.

— Ваша работа?

— И я бы никогда вам в этом не признался. Если бы Людмилу не убили... Это слишком серьезно, да?

— Зачем вы установили прослушивающее устройство?

— И не одно, там еще на кухне стоит, под столом, так сразу не найти...

— И все-таки, зачем?

— Зачем... Если скажу, не поверите. — Сарычев хлопнул себя по карману, вынул пачку сигарету. — Вильяма она хотела заказать.

Прокофьев уловил фальшь и в словах Сарычева, и в его поведении. Разволновался Аркадий,

и это чувствовалось. Слишком уж большой кусок он ставил на кон, как бы не подавиться.

— Так хотела или заказала?

— Ситуацию пробивала, типа, и ей выгодно, если Вильям умрет, и я свои проблемы решу. На деньги намекала... Я сразу ей сказал, что на меня рассчитывать не надо... Не веришь мне, подполковник? — Сарычев смотрел Прокофьеву прямо в глаза.

— А если я ввел вас в заблуждение? Если Вельяминова жива, а вы ее сейчас оговариваете?

— Жива?.. — с обидой спросил Сарычев и сощурился. — А мне бояться нечего! Что было, то и сказал.

— Значит, Вельяминова заказала вам своего мужа?

— Скажем так, наводила мосты.

— А «жучки» зачем?

— Да затем... Я отказался, а кто-то согласился.

— Кто согласился?

— Я не знаю, но кто-то ей позвонил, она обрадовалась. И мне дала понять, что в моих услугах больше не нуждается. А я понял, что кто-то другой должен решить этот вопрос.

— Кто именно?

— Не знаю, но хотел узнать. А у меня «жучки» дома среди хлама завалялись, я когда-то электро-ником увлекался, на всякий случай поставил...

— Зачем?

— А затем, что глупая она баба, эта Людмила Вельяминова. А хотела казаться слишком умной. Вот я и подумал, вдруг Вильяма убьют, а меня подставят. Мотив у меня есть? Есть! Что еще надо?!

— Ну и что, выявили заговор?

— Не знаю, может, и было что-то, но я же не мог все время с помощью «жучков» прослушку вести, они всего на сто метров бьют, это круглые сутки возле дома стоять надо. Но какое-то время стоял.

— А в полицию обратиться не пробовали?

— А вы мне верите?

— Сейчас нет, — честно признался Прокофьев. — Потому что Людмила Вельяминова действительно мертва. И убить ее могли вы.

— А мотив?

— Подставить Вельяминова.

— Я его подставил?

— Вельяминов задержан по подозрению в убийстве, — кивнул Ярыгин.

— Так, может, он и убил... Может быть, Людмила его все-таки заказала, а он узнал.

— Гражданин Сарычев, где вы находились вчера в промежутке времени между двадцатью одним и двадцатью двумя? — строгим, официальным тоном спросил Прокофьев.

— Я же говорю, сидел в машине и выпивал. Тоска заела.

— Боюсь, что вам придется проехать с нами. — Прокофьев кивком указал на свою машину.

Сарычев признался во многом, и свою связь с Вельяминовой отрицать не стал, и от «жучков» не отрещивался, а все-таки Прокофьев ему не верил. Мутный он тип, этот Сарычев, хитрый, увертливый. Он утверждал, что грабить банк его заставили, посадили за руль, велели ехать. А тот же Карамболь не так давно намекнул, что Сарычев мог организовать нападение на инкассаторов. И еще Сарычев утверждал, что не брал деньги, а недавние события показали обратное. Искал он деньги, искал. Из двух им же потерянных сумок к нему вернулась только одна, но ведь деньги он брал! И сейчас он мог врать.

Возможно, Вельяминова действительно заказала своего мужа Сарычеву, но ведь он мог и согласиться. А квартиру на прослушку он поставил из соображений безопасности: вдруг Вельяминова втягивает его в какую-то западню? Возможно, с помощью «жучков» он и узнал что-то такое, из-за чего и приехал вчера к Вельяминовой. И убил ее, хотя должен был застрелить мужа.

Разбираться надо, выяснять, в чем тут дело. Обыск в доме у Сарычева провести, одежду его осмотреть, соскобы с рук взять, машину обследовать. А его самого в камеру, нечего с ним церемониться.

Глава 3

Тихо в квартире, часы с ходиками мило тикают, приятная прохлада после жарких страстей, кровать мягкая, уютная. И сама Виктория просто прелесть: и красивая, и нежная, тело Егора не знает с ней покоя.

Только вот нет полного спокойствия на душе. Прокофьев лежал на спине, до пояса накрытый простыней, и с грустью смотрел в потолок. Сегодня утром Марина чуть не заплакала, провожая его на службу, как будто знала, что у него появилась любимая женщина. Сколько лет Егор хранил верность нелюбимой жене, и вдруг прорвало. Марина это чувствует, но сцен не устраивает, просто смотрит на него глазами преданной собаки. Она преданна, а ее предали...

Вика вышла из ванной, Прокофьев услышал, как на кухне открылся холодильник. А вскоре появилась и Вика в банном халате, волосы мокрые, но уже расчесанные. Она поставила на тумбочку две бутылки с пивом, взяла пульт и выключила кондиционер. Прокофьев смотрел на нее, думая о Марине. Может, и не любил он свою жену, но уважал. Да и не так уж плоха Марина. Не такая уж красивая, черты лица не очень-то милые и нежные, тело тяжеловатое, походка неуклюжая, но есть в ней и достоинства.

— Что-то не так? — почувствовав настроение Егора, спросила Вика.

— Да вот думаю...

— О жене?

— Почему о жене?

— Мы же с тобой договорились, никаких обязательств. Я свою жизнь менять не хочу и замуж за тебя не собираюсь.

Прокофьев качнул головой. Не верил он ей. Вика хотела замуж, просто разочаровалась в своих ожиданиях. Он наводил справки, были у нее мужчины, за кого она собиралась замуж. Но не судьба. С одним мужчиной она жила несколько лет, но не сложилось. Возможно, потому что завести детей у них не получалось. Ни с кем не получилось.

И Вельяминов мог уйти от жены, потому что в семье не было детей.

— Вчера ночью погибла женщина, тоже вот так, вышла из душа в банном халате. И кто-то в нее выстрелил... Возможно, Сарычев.

— Сарычев? — задумалась, вспоминая Вика. — Что-то знакомое... Ах да, миллионы рублей в инкассаторской сумке... И кого он убил?

Она села на стул перед трюмо, взяла фен, но включать не торопилась.

— Может, и убил, — погружаясь в размышления, кивнул Прокофьев.

Вика глянула на него, мило улыбнулась и включила фен. Как будто знала, что шум от прибора не сможет нарушить ход его мысли.

Обыск в доме Сарычева ничего не дал, осмотр машины тоже, и на одежде не было следов крови, пороховых газов. Где находился подозреваемый в момент убийства, установить не удалось, а к месту преступления привязать его не получилось. Не было Сарычева на базе отдыха, ни одна камера его не зафиксировала, и не регистрировался он нигде. Никаких улик против него, известно лишь то, что он знаком с Вельяминовой, установил в ее квартире «жучки» и что у него отсутствует алиби, но этого явно недостаточно, чтобы осудить.

— А может, и кто-то другой, — все так же в раздумье проговорил Прокофьев.

Только тогда он заметил, что фен не работает и Вика расчесывает уже сухие волосы.

— Кто? — рассеянно, думая о чем-то своем, спросила женщина.

— А если Сарычев не врет? — спросил Прокофьев, обращаясь к себе.

— Может, врет, может, не врет, — сказала Вика — лишь бы что-то сказать.

— Его действительно могли подставить под убийство. Вельяминов спал с его женой, Сарычев мог его за это наказать. Чем не мотив для убийства?

— Пиво, наверное, уже теплое.

— Могли подставить Сарычева, а подставили Вельяминова. Может, Сарычев подставил, а может, кто-то другой.

А подставить Сарычева мог кто-нибудь из любовников Вельяминовой. Возможно, она их для того и заводила, чтобы решить проблему с мужем. Прокофьев усмехнулся. Поздно уже — и мозг засыпает, и мысли еле ворочаются, отсюда и бредовость суждений.

— Пиво, говоришь?

Пиво действительно утратило ледяную свежесть, но бутылочку Егор осушил с превеликим удовольствием. И вспомнил утренний разговор с гражданкой Листьевой. Она говорила о любовниках Вельяминовой в общем, но двоих она видела в лицо, Сарычева недавно, а кого-то еще в мае. Или даже в апреле. А видео с ее домофона так и не скопировали. Прокофьев собирался поставить эксперту задачу, но, видимо, запмятовал. Или даже не придавал значения: слишком уж увлекся Сарычевым. А надо бы глянуть на человека, которого засекла камера Листьевой. И чем скорее, тем лучше.

Прокофьев глянул на часы, половина двенадцатого, Листьева наверняка уже спит. И домофон ее работает на запись только в том случае, если нажимают на клавишу звонка. Запись может храниться и месяц, и два, и даже год — в зависимости от интенсивности пользования звонком. Если так, то за

ночь ничего не случится. А если запись уже стерта, то и метаться поздно.

Но вылезать из теплой постели все же пришлось. Не мог Егор остаться на ночь у любовницы, семья у него, жена, дети. Он, может, и предатель, но не свинья.

Марина встретила его, как будто он вернулся со службы, прижалась, поцеловала, не ожидая взаимности. Накормила, уложила спать, а утром приготовила завтрак. А на прощание спросила:

— Когда тебя ждать?

Некрасивая она, но вовсе не отталкивающая. Домашняя, уютная, теплая. И в руках у нее все горит, дома образцовый порядок, дети ухожены, Марина следит за ними строго — Светлана фигурным катанием занимается, в музыкальную школу записана, Платон увлекается вольной борьбой, а еще мать развивает в нем любовь к рисованию. Егор, конечно, тоже принимал участие в воспитании детей, но у него постоянно дела. У детей каникулы, они еще спят, а он уже несется к Листьевой, нужно ее перехватить, пока не ушла на работу. Обычно он только рад был поскорее убраться из дома, а сегодня вдруг захотелось остаться.

— Я постараюсь пораньше, — сказал он.

И у него даже возникло желание поцеловать жену на прощание. Не чмокнуть в щечку, как обычно, а именно поцеловать. Но вспомнив о Ви-

ке, он сдержал в себе непрошенный порыв. Сначала нужно с любовницей завязать, а затем уже с нежностями к жене лезть.

Существовал еще и другой, возможно, более честный вариант: развестись с Мариной и жениться на Вике, но Прокофьев его не рассматривал. Но подумал о нем уже в машине, на пути к Первомайской улице.

Он успел вовремя, Листьева еще только собиралась на работу. Более того, ему очень повезло, изображение мужчины, о котором она говорила, сохранилось. Изображение можно было перенести с одного носителя информации на другой, но Прокофьев всего лишь сделал с него фотографию. И без того плохое качество изображения ухудшилось, но его это не смутило. Дело в том, что он узнал человека. Сам когда-то принимал участие в задержании Рената Бешерова из бригады Ханчика. И самого Ханчика брал, но уже позже.

В девяностых — начале нулевых город крепко держала банда Рахата, за мокрые дела в его системе отвечали Головастик и Ханчик. Рахата убили, власть подобрал Карамболь, а Головастик и Ханчик сбежали в Москву, там они занялись заказными убийствами. И в Чугуй они наведывались, Карамболь их приглашал, понятно зачем. Но веревочка виляла недолго, Головастика застрелили при задержании, Ханчик скрылся в родном городе, Егор

тогда сделал все возможное и даже невозможное, чтобы отправить бандита на нары. Тогда же появилась возможность закрыть и Карамболя, но Ханчик до суда не дожил, убили его.

Когда принимали Бешерова, Рахат был еще жив, а Карамболь ошивался на вторых ролях. А приняли его за убийство, доказательств хватало, адвокаты не нашли средств против них, даже суд не решился оправдать преступника, но Бешерова осудили всего на двенадцать лет, отмотал, правда, от звонка до звонка. Два года уже прошло, как освободился. До сих пор не светился.

Прокофьев поблагодарил женщину за содействие, подмигнул Даше и ушел. Он думал, где искать Бешерова, но столкнулся с ним у лифта. Мужчина собирался нажать на клавишу звонка в тридцать четвертую квартиру.

Бешеров сильно изменился, из безусого паренька с «молочными» щеками превратился в матерого мужика неслабой комплекции. Дубленая кожа лица, синюшный после бритья подбородок с багровым рубцом на месте ямочки. Но при этом смотрелся Бешеров очень даже неплохо, подтянутый, ухоженный, одет не дорого, но со вкусом. Стильный блейзер и сидел на нем как надо и молодил его как минимум на пару лет. Только вот одеколон его подвел, аромат протухшего гладиолуса заставил Прокофьева поморщиться.